

01.02.98

Чхеидзе Темура

96

сих пор в птице-тройке, мчащей Гусь — реки всей русской традиции — его не — ма, негражданность сына и пезант

ОПЕРА

Столетний роман с Вагнером

Премьера «Летучего Голландца» в Мариинском театре

Моск. новости. — 1998. — 1 февраля. — с. 30.

Как заметил в прошлом номере «МН» Борис Покровский, Вагнера в России не умеют «ни петь, ни ставить». Посмотрев «Летучего Голландца» в Мариинском театре, вынужден не согласиться с мастером — умеют и то, и другое. Романтические отношения России и творчества Рихарда Вагнера, длящиеся уже более века, претерпели диаметрально противоположные, как в любой love story, стадии — от неумеренных восторгов до угрюмого презрения («его любил Гитлер»). Нынешняя постановка посвящена столетию первого исполнения оперы на Мариинской сцене и приурочена к «некрутлому» 125-летию юбилею Шаляпина. Сам Федор Иванович Вагнера любил, но пел редко и, в основном, в концертах, совершенно справедливо объясняя: «Опера может идеально идти только на том языке, на котором она написана...»

Сто лет назад в русской премьере «Голландца» пел интернациональный состав во главе с «арийцем» Гансом Рихтером; за дирижерским пультом тоже стоял немец. Сейчас в России есть оперная компания, которая своими силами способна осуществить подобный проект; тем не менее спектакль получился очень немецким. Великолепные российские голоса, сочетающиеся с четким, осмысленным звучанием немецкого слова (для удобства публики — табло с русскими субтитрами). Вышколеный оркестр, ве-

домый Валерием Гергиевым. На сцене — имперский, если угодно — режисс-размах (художники-постановщики — Георгий Цыпин и Евгений Монахов): два комплекта шпангоутов в натуральную величину, изобретательный свет и лазерные задники (художник по свету — Джеймс Ингэлс из США)... Спектакль получился очень дорогим — как и другие «немецкие оперы» Мариинки, но он того стоит, и прежде всего благодаря режиссуре. На этот раз Гергиев, часто критикуемый за подбор режиссеров, видимо, решил не искушать судьбу и вновь обратился к Темуру Чхеидзе из БДТ, с

которым был сделан «Игро» Прокофьева.

История Летучего Голландца — Вечного Жиды во флотском варианте, спасение которому может принести только женщина, верная ему до могилы, — пожалуй, наиболее доступный для восприятия среднего мело-

мана вагнеровский опус: минимум действующих лиц, относительная простота сюжета, запоминающиеся мелодии... Темура Чхеидзе бережно отнесся к пожеланию Вагнера ставить эту оперу в виде «драматической баллады» в одном акте (получились два с половиной часа почти непрерывного действия). Но иные моменты сценической трактовки, как-то: появление на сцене хора матросов-призраков, а в финале — силуэта повесившейся главной героини, Сенты, — заставляли озада-

«Летучий Голландец» поставлен с имперским размахом

ченно читать в за- тылке и искать клавир «Лету-

чего Голландца». Найдя, убеждаешься, что призраки, как и положено, поют свои мрачные песни за сценой, а Сента «взбегает на высокую скалу и бросается в бушующее море»... Почему, Темура Нодарович?

— Опера — это такой же театр, в котором почему-то поют. Только «почему-то» не пишете, а то какой-то критик уже объявил: «Чхеидзе так и не понял, почему в опере поют»... В «Летучем Голландце» меня взволновала проблема верности.

— Но согласитесь, что эта идея на немецкой и русской религиозно-культурной почве преломляется по-разному.

— Поэтому я делаю грузинскую постановку (улыбается). Есть еще категория человеческой верности, которая везде ценится одинаково. Меня привлекают истории, построенные на простых чувствах, все остальное — вещи для театра умозрительные, ничего не способные взволновать.

— Почему вы повесили, а не утопили Сенту в море, как того требует Вагнер?

— Повесил — но потом растворил в облаках. Финал — это расплата за ее, между прочим, ошибку: она не обещала верности своему прежнему другу Эрику, но дала ему повод надеяться.

— И за эту ошибку вы «приговорили» девицу к позорной смерти?

— Какой позорной? Она все равно для меня — в облаках. Я иду против ремарки Вагнера, но не против его музыки, его творчества. Меня мало интересует философия Вагнера, хотя я знаю, что он не отделял свою музыку от философии. Я же отделяю: слушать его музыку равнодушно не могу, я ею восхищаюсь, но у меня на его музыке возникает своя философия — я свободен, когда слушаю музыку...

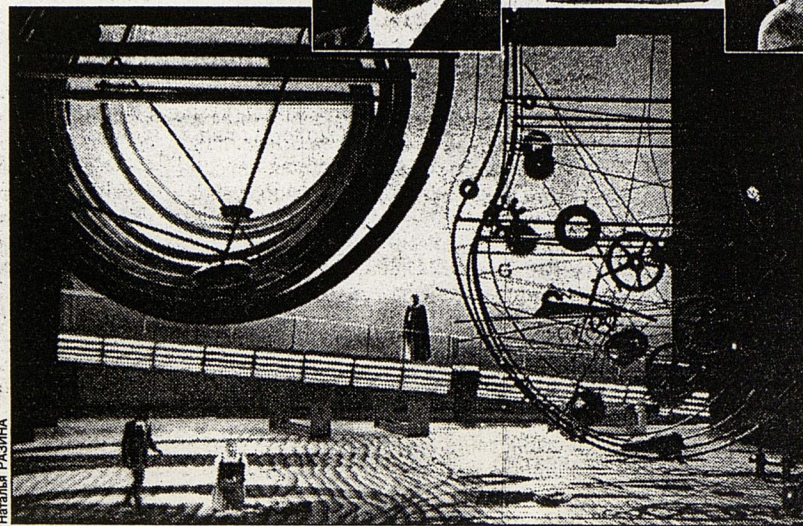
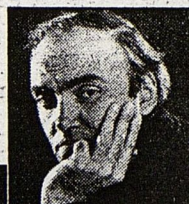
Сента повесилась, Голландец спасен и обрел покой. Каждому свое. Как писал о Вагнере Федор Шаляпин, «не влекут меня копы, которыми надо пронзить сердце для того, чтобы из него добыть священную кровь».

Юрий ВАСИЛЬЕВ

Валерий Гергиев

Темура Чхеидзе

Наталия РАЗИНА